

Михаль Говрин

**удаляющийся образ папы и мамы
на железнодорожной платформе в Ганновере**

всё те же чемоданы и составы
уносят в ночь огонь топки и дым сигарет

продолжается падение тьмы во тьму

такие прозрачные стояли они на станции
и смертные бездны захлёстывали их берега

как бы мне вновь ухватиться
за ручки этой поклажи

разве не видишь ты, что по морю смерти меня пригоняет к тебе
не по Стиксу сплавляет – реке благородной мраморного Гадеса
не Харон управляет плотом
на щеках моих ещё локоны брата лежат в чьей смерти жила
я
дух его ветром в моих волосах

разве не слышишь ты тишину в послезвучии наших
гортаней
неслабеющий нескончаемый крик
тех
от кого осталась ладонь
месившая наши жизни

разве не видишь ты вот за нами стали вагоны
нёсшие нас в тот в самый предрешённый путь

и гудок их венчает нас
столп дымный нам путь указывает
к дальним пределам духа.

Перевод с иврита: Некод Зингер

И окончились войны

И окончились войны.
Войска расползлись по дорогам
в безразличии полном
и к девушкам, и к урожаю.
И связные, и гордые кони,
надежда воинств,
во плоти их гнездятся мухи.

Так мало лет миновало
с тех пор, как прошла эта бойня
с надменностью вечной жизни.

Перевод с иврита: Гали-Дана Зингер

Между улицами Яффской и Пророков

1

В городе на Яффской улице
нищие золочёного полдня
задрали тротуар и отстегали тебя
прутьями пронзительного неона
а ты смеялась, вытаскивая
замшевые кошельки,
голубые, зеленоватые, розовые,
из бдительных глаз банкомата
«Всё это только затем,
чтобы прополоскать плоть

на ветру»
Ты запела:
«Пока не вернулось Завтра
 во прах
и озёра глаз
 не стали пылью
 в горах».

2

Сон о полёте всегда в нас,
как рудимент хвоста.
Тайная страсть приводит в движение
размах ещё бесформенных крыльев во мраке,
выхватывается из плоти ястребиными маховыми перьями.

3

Словно неоновый шок во тьме
изгнание тела из души
в ошалевших от веры дворах
увлечься в их поту за нежностью песка,
на цыпочках
оттаптывая буквы.

4

Розовый, вдруг розовый.
Фисташки, ваниль и лето.
В пальцах горячий песок.
Пинг-понговый шарик клубничного цвета
тает меж всполохами укусов.

5

Ты ведь не бросишь нас вот так:
вóроны со ободранной кожей
висят и стоят
на высоковольтных столбах.
Ты ведь что-нибудь спустишь –
ладонь или лестницу,

старенький гимн,
уж так банальна басня
о мотыльке,
что распаясь сгорел.

6

Нежные, твёрдые формы,
кто сказал, что твёрдость тверда
и нежность нежна,
и что такое вход,
и что есть преданность,
и где точка отточенной твёрдости
в начале нежности?

Вечер как сбежавшее молоко

Все те же улочки и вечер как сбежавшее молоко
разбавленное кровью неперенной
как вечная нечистота рождения
распластывает плоть горы
разбегающимся шоссе

И мальчики со сжатыми зубами
караульные в полях вражды и нежности
спусковыми крючками цепляются за небо и землю
и плоть обрезанная прячется в пыли
вечером сбежавшим молоком

И что не сказано кочует между нами
на холме где ветер гонит пыль
вечером сбежавшим молоком
в красную даль

Раав

В преддверии конца и скорого начала
новогодний месяц истоньшается на глазах
и страх одолевает -
юбилейные трубы обрушат ли стены
городские?
Отворит ли осажденный город проулки свои?
И выйдет ли Раав
спасать спасаться?

Ее окно полыхает на солнце
багряная пряжа надеется белою очнуться
и зерна граната в миске
сияют как камни граната.
Внимательным пальцем считает зерна она
по одному, один к одному -

и когда сольются красные капли воедино
откроется ли нам
и в нынешнем году
Раав?

Карта города ладони

ладонь под уклон разделенного города
с востока разлученного на запад
а линия жизни - под угрозой
а линия счастья - под слоем пепла
отпечатки невиданных пальцев
оставляют сложнейшие узоры
не поддающиеся разгадке
красные как ветер
из окна автомобиля
мчащегося от мизинца к большому пальцу
перед тем как обернется ладонь
чашей холма

и вновь разбросала чаша сия
соцветие пальцев своих
мигающими огнями
на карте ночи

Перевод с иврита: Леонид Шваб

Михаль Говрин – писательница, поэтесса и театральная режиссёр. Автор двух романов, книги рассказов, трёх книг стихов, хроники комментария «Действо о море» и книги эссе «Тело молитвы» (совместно с Жаком Деррида и Дэвидом Шапиро). Живёт в Иерусалиме.